
Лана П
Последняя глава духов - 2. Наследники

Лана П

Последняя глава духов - 2. Наследники

https://litres.ru/73879591
SelfPub; 2026

Аннотация

Они выросли. Ладе и Святозару — восемнадцать. Их сила управляет всеми стихиями: огнём, водой, землёй, воздухом. Но Древняя тьма проснулась раньше срока. А за ней — бездна, которую не победить светом. Скрибус выпустил то, что не мог контролировать. Лиса открыла ящик Пандоры. Мир на грани уничтожения.

Алиса, Дамиан и их верные духи — Брек, Шува, Платон, Соня — держат оборону. Но решающий удар нанесут только наследники крови Первого духа. Смогут ли они пожертвовать собой, чтобы спасти всех? И хватит ли у них опоры, чтобы победить бездну?

Содержание

Глава 4
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Лана П
Последняя глава духов - 2. Наследники

Глава

Вторая книга.
Глава 1. Первый вздох новой эры

Зазеркалье. Родовая комната Академии духов. Время — за час до рассвета.

Сцена 1. Утро перед бурей

Фиолетовое солнце Зазеркалья медленно просачивалось сквозь зачарованные ставни, рисуя на каменных стенах узоры, которые двигались сами по себе. Алиса лежала на кровати, огромной, как поле боя, и смотрела в потолок, где плыли облака из серебряной пыли.

Живот шевелился.

Не просто шевелился — жил своей жизнью. Двое внут-

ри бились, пинались, переворачивались, будто репетировали танец.

— Дамиан, — позвала Алиса тихо.

Никто не ответил. Он спал в кресле у окна, худой после трёх месяцев комы, с лицом, на котором застыло выражение вечной тревоги. Его силы ещё не вернулись. Но он был рядом. Это главное.

— Соня, — позвала Алиса громче.

Из тени материализовалась дух змеи. Чешуя мерцала утренним светом, глаза были жёлтыми, внимательными.

— Время пришло, — сказала Соня. Не спросила — утвердила. — Я чувствую их силу. Они готовы выйти.

— Или выломать дверь, — усмехнулась Алиса и тут же зашипела от боли.

Схватка. Первая. Сильная.

— Алиса? — Дамиан проснулся мгновенно, как солдат. Подскочил к кровати, схватил её за руку. — Я здесь. Я никуда не уйду.

— Если ты сейчас скажешь «дыши», я убью тебя своим животом, — простонала она.

Соня усмехнулась. Змеи умеют улыбаться, оказывается.

— Я позову остальных. Шмяк! Брехун! Плюх!

Из-под кровати выкатился маленький белый кролик. Он трясся так, что зубы стучали, как кастаньеты.

— Я т-т-т-тут, — выдавил Шмяк. — Я г-г-г-отов.

— Ты три часа трясёшься, ты не готов, — сказал Брехун, входя в комнату. Огромный пёс, с серой шерстью и умными глазами, занял место у двери, как статуя. — Алиса, я чую Крысу. Она близко.

— Все чуют, — прошептал дух Подушки. Плюх лежал в углу, белый, пушистый, с вышитыми глазами, которые смотрели прямо в душу. Его голос был шёпотом наволочки, уютным и жутким одновременно. — Даже я, а я обычно сплю. Проснулся, потому что твои дети… они кричат ментально. Все духи Зазеркалья их слышат.

Алиса замерла.

— Что значит «все духи слышат»?

— То и значит, глава, — ответил Плюх. — Твои дети ещё не родились, а уже захватили внимание всего мира.

Сцена 2. Схватка за стенами

Скрибус, дух Крысы, пришёл не один.

За ним — сотни теней. Мелких духов, предателей, тех, кто хотел власти. Глаза горели красным, когти были длиной с кинжалы.

— Алиса Корсакова! — крикнул он, и голос разнёсся по коридорам Академии, проникая сквозь стены, сквозь магические барьеры, сквозь молитвы. — Сегодня ты родишь. А завтра — умрёшь. Вместе с детьми!

— Не дождёшься, — сказала Соня, выскользнув из тени родовой комнаты.

Она не пошла — потекла, превращаясь на глазах в гигантскую змею. Чешуя блестела как кинжалы, глаза стали вертикальными щелями, в которых горела древняя ярость.

— Брехун, к бою! — крикнула она, бросаясь в толпу.

— Я ТОЛЬКО ЭТОГО И ЖДАЛ! — заорал пёс так громко, что у нескольких теней лопнули барабанные перепонки.

Он прыгнул. Челюсти сомкнулись на шее одного из предателей. Хруст. Крик. И ещё один. Брехун не дрался — он косил, как машина смерти в шерстяном обличье.

Шмяк дрожал в углу родовой комнаты, закрыв глаза лапами. Он не собирался перевоплощаться в человека. Он думал если он останется в образе зверя, то его не кто не тронет и не увидит.

— Я н-н-н-е м-м-м-огу, — пищал он. — Я маленький, я слабый, я…

— Можешь, — прошептал Плюх, не двигаясь с места. — Вспомни, кто ты.

— Я кролик!

— Ты Шмяк, — поправила Подушка. — Тот, кто в одиночку разорвал трёх духов в прошлом году. Тот, кто прикрывал главу, когда она училась ходить по стенам. Ты не просто кролик. Ты — кошмар в белой шубке.

Шмяк открыл глаза. И в них загорелось что-то красное.

— Я — Шмяк, — сказал он, вставая на задние лапы. — Убийца.

Он вылетел в коридор как белый смерч. Уши превратились в лезвия, глаза горели, зубы стали иглами. Он принял настоящий образ духа. Духа боевого кролика.

Одному духу он разорвал глотку. Второму — выбил глаза длинным прыжком. Третьего — просто затоптал, прыгая на голове, пока та не хрустнула.

— НЕ ОЖИДАЛ? — заорал Шмяк, весь в крови, но светясь от счастья. — А Я МАЛЕНЬКИЙ, НО ЗЛОЙ! Я СЛАБЫЙ, НО БЕШЕНЫЙ! Я КРОЛИК, НО ДЬЯВОЛ!

Скрибус отступил на шаг. Его тени замялись.

— Что это за… Кролики не могут…

— Этот может, — сказала Соня, обвиваясь вокруг него. Чешуя сжала тело Крысы, заставляя хрипеть.

Но Скрибус был хитер. Стар. Опытен. Он выскользнул из

объятий змеи, оставив в её чешуе кусок своей плоти. И метнул кинжал.

Тёмный, светящийся чернильной тьмой. Кинжал, который резал не тело — судьбу.

Прямо в сторону родовой комнаты.

Сцена 3. Смерть героя

Кинжал летел.

Он пробил бы барьер — Дамиан не успел бы. Соня была слишком далеко. Шмяк увяз в толпе.

Но Брехун успел.

Пёс прыгнул между кинжалом и дверью. Не ради славы. Не ради приказа. Ради неё. Ради Алисы. Ради детей, которых он ещё не видел, но уже любил.

Клинок вошёл в грудь. Прямо в сердце.

— Брехун! — закричал Шмяк.

— НЕТ! — заорала Соня, оборачиваясь.

— Нормально… всё… — прохрипел пёс, оседая на пол и медленно принимая образ человека. Кровь — чёрная, магическая — растекалась по каменным плитам. — Я… всегда… хотел… умереть… как герой…

— Ты глупый пёс! — Соня упала рядом с ним, чешуя потускнела, змеиное тело сжалось в человеческое. Она обняла его голову. — Зачем? Зачем ты это сделал?

— А… кого… ещё… было… посылать? — Брехун попытался улыбнуться. Получилось криво, кроваво. — Шмяк… маленький… Соня… нужна… им… Плюх… ленивый…

— БРЕХУН! — Шмяк прыгнул к нему, весь в слезах и крови врагов. — Не смей умирать! Я тебя сам убью за это!

— Успеешь… потом, — прошептал Брехун. — Сначала… позаботься… о них.

Он посмотрел на дверь родовой комнаты. Там, за ней, Алиса кричала от боли — и от ярости, потому что чувствовала, что происходит снаружи.

— Скажи… главе… что я… не прощаюсь, — выдохнул пёс. — Я буду… ждать их… в следующей жизни.

Он закрыл глаза. Дёрнулся раз, второй — и затих.

Его дух — золотая, тёплая искра — поднялся в воздух, покружил над Соней, над плачущим Шмяком, над окаменевшим Плюхом — и улетел в фиолетовое небо.

Шмяк завыл. Так громко, как никогда в жизни.

Скрибус засмеялся. Жутко, сухо.

— Первая кровь — за мной, — сказал он. — Следующие — ваши.

Но смех был недолгим.

Сцена 4. Рождение силы

Внутри комнаты Алиса закричала.

Не от боли. От ярости.

— ОНИ УБИЛИ БРЕХУНА! — крикнула она, и стены задрожали. — Я ЧУВСТВУЮ! Я ВСЁ ЧУВСТВУЮ!

— Рожай сначала! — приказала Соня, влетая в комнату,

вся в крови врагов. — Отомстишь потом! Сначала выпусти их!

Дамиан держал Алису за руку так сильно, что кости трещали.

— Дыши, — говорил он. — Дыши, любовь моя.

— Я ТЕБЕ СЕЙЧАС «ЛЮБОВЬ» УСТРОЮ, — заорала Алиса, сжимая его пальцы так, что послышался хруст. — ЕЩЁ ОДНО «ДЫШИ» — И ТЫ ПОЛЕТИШЬ ВСЛЕД ЗА БРЕХУНОМ!

Дамиан не отпускал. Смотрел в её глаза — красные от боли и слёз — и улыбался.

— Ненавижу тебя, — прошептала Алиса.

— Знаю, — ответил он. — Я тоже себя ненавижу.

И в этот момент мир взорвался светом.

Не золотым. Не белым. Радужным — как будто тысяча цветов одновременно решили родиться на свет.

Из Алисы вышли двое.

Девочка — с чёрными, как смоль, волосами и золотыми глазами, в которых уже светилась древняя мудрость.

Мальчик — с серебряными волосами, точь-в-точь как у Дамиана, и синими глазами, холодными, как лёд Зазеркалья.

И когда они сделали первый вдох — одновременно, словно один организм — их ауры взревели.

Защитный купол, такой силы, которой не видело Зазеркалье тысячу лет, накрыл всю родовую комнату. А потом — всю Академию. А потом — все Зазеркалье.

Купол был из чистого света. В нём переплелись силы отца и матери, древняя магия предков и что-то новое, чего никогда не было раньше.

Скрибуса отбросило на сто метров. Его тени рассыпались в прах. Те, кто выжил, бежали, визжа от ужаса.

— Что это за сила? — прошептал Крыса, поднимаясь с земли. Его тело было изранено, одежда превратилась в лохмотья. — Как они могут быть настолько могущественными?

— Сила чистой крови, — ответила Соня, стоя на пороге

родовой комнаты, гордая и страшная в своей красоте. — Сила любви. Сила жертвы. Сила Брехуна, который отдал жизнь, чтобы они родились.

— Сила, которую ты никогда не получишь, — добавил Шмяк, всё ещё дрожа, но с красными глазами. — Отступай, Крыса. Ты проиграл.

Скрибус посмотрел на них. На светящийся купол. На свою разбитую армию.

— Я вернусь, — сказал он, открывая портал. — Дети не будут вечно маленькими. Я буду ждать. И тогда — мы посмотрим, кто смеётся последним.

Он шагнул в тьму. Портал закрылся.

А в родовой комнате Алиса держала на руках двоих.

Сцена 5. Слёзы и любовь

В родовой комнате время словно остановилось.

Соня помогала Алисе, комната была наполнена магическим сиянием — дети ещё не убрали свою силу, и потолок светился так, будто над ними было не фиолетовое небо, а на-

стоящее солнце.

— Они… они такие тёплые, — прошептала Алиса, прижимая к себе новорожденных. — И такие лёгкие. И такие тяжёлые одновременно.

— И сильные, — сказал Дамиан.

Он смотрел на детей так, будто видел чудо. Будто впервые в жизни поверил, что боги существуют. И что они — добрые.

— Имена? — спросила Соня. Она стояла в дверях, вся в ранах и чужой крови, но счастливая, как бывает счастлива сестра, которая видит счастье сестры.

— Лада, — сказала Алиса, глядя на дочь. Девочка смотрела на неё золотыми глазами и улыбалась. Беззубой, младенческой улыбкой, в которой было всё будущее. — Пусть приносит гармонию и милость.

— Святозар, — сказал Дамиан, глядя на сына. Мальчик смотрел на отца синими глазами, в которых уже читалась серьёзность взрослого. — Священный свет. Пусть он станет воином, но не жестоким. Пусть его сила будет светом, а не оружием.

Соня кивнула.

— Прекрасные имена. Древние. Сильные. Они идеально подходят вашим детям.

Шмяк, наконец перестав трястись, принял образ человека, подошёл к кровати и посмотрел на малышей.

— Они красивые, — сказал он просто. — Брехун бы… он бы хотел их увидеть.

Тишина стала тяжёлой. Алиса заплакала. Не громко — тихо, как плачут, когда боль слишком велика для крика.

— Мы похороним его с почестями, — сказала она, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. — Он был героем. Он был нашей стеной. И я не прощу себе, что не успела сказать ему спасибо.

— Он знал, — сказал Дамиан, обнимая её. — Он всё знал. Потому что он был Брехуном. Самым верным из всех, кого я встречал.

Плюх прошелестел из угла:

— Я вижу их будущее. Часть. Не всё — дети слишком

сильны, чтобы я мог видеть всё.

— Что ты видишь? — спросил Дамиан.

— Лада станет миротворцем. Она будет говорить с врагами так, что они станут друзьями. Святозар станет воином. Он будет защищать так, что никто не посмеет напасть.

— А вместе? — спросила Алиса.

— Вместе они — сила, которой не было тысячу лет, — сказала Подушка. — Но тьма придёт снова. И они будут готовы. Потому что у них есть вы. И память о том, кто отдал жизнь за их первый вздох.

За окном фиолетовое небо впервые за сто лет стало розовым.

Рассвет.

Новая эра.

Сцена 6. Прощание и клятва

Через час Алиса сидела в кресле — укутанная в плед, с детьми на руках. Дамиан стоял рядом, положив руку на спин-

ку кресла. Соня и Шмяк сидели на полу. Плюх лежал в углу, но не спал — смотрел.

— У нас девочка и мальчик, — сказал Дамиан, не веря своим словам. — У нас есть… всё.

— У нас есть армия, — поправила Алиса, глядя на спящую Ладу. — И миссия.

— И память о Брехуне, — добавила Соня.

— И будущее, — пискнул Шмяк, уже снова чуть трясясь.

— И юмор, — усмехнулась Алиса. — Смотрите, как Святозар спит. Вылитый отец. Та же серьёзная морда во сне.

Дамиан хотел обидеться, но не смог. Потому что сын и правда спал с точно таким же выражением лица — будто решал судьбы миров даже во сне.

— Брехун бы засмеялся, — сказал он.

— Брехун бы поцеловал Святослава в лицо, — ответила Соня.

— И получил бы ногой в нос, — добавил Шмяк.

Они засмеялись. Все четверо. А потом — замолчали.

Потому что в тишине почудился далёкий, знакомый лай.

— Он с нами, — прошептала Алиса. — Всегда.

Плюх прошелестел:

— Спите. Я посторожу. И принял образ молодого парня Двадцать лет могу не спать, если надо.

— Ты две минуты без храпа не можешь, — фыркнул Шмяк.

— Это я тренируюсь, — обиделся дух Подушки.

А за окном розовое небо постепенно становилось золотым.

Новая эра началась.

Но где-то в тенях Зазеркалья, в ледяной пещере на краю мира, Скрибус точил когти о камень.

— Спите, — прошептал он, и его глаза горели красным

в темноте. — Ваши дети вырастут быстро. Дети всегда растут быстро. А я буду ждать. Я умею ждать. И тогда — мы посмотрим, кто из нас умрёт следующим.

Он засмеялся — тихо, жутко, без надежды на прощение.

Война только начиналась.

Глава 2. Совет духов

Три дня спустя. Академия духов. Большой зал совета.

Сцена 1. Похороны

Сначала были похороны.

Брехуна похоронили на вершине холма, откуда открывалось всё Зазеркалье — фиолетовое небо, серебряные реки, бесконечные леса. Алиса стояла у могилы, держа на руках Ладу и Святозара, завернутых в одеяло.

Соня говорила речь. Шмяк плакал, даже не трясясь. Дамиан молчал, но его челюсть была сжата так, что желваки ходили ходуном.

— Он был верным, — сказала Соня, и её голос не дрожал,

хотя глаза были мокрыми. — Он не был самым умным. Не был самым быстрым. Но он был самым храбрым. Потому что настоящая храбрость — это не когда не боишься. Это когда боишься, но всё равно идёшь.

Шмяк положил на могилу морковку. Любимую.

— Ты говорил, что духи не едят морковку, — сказал он. — Но я всё равно принёс. Может, там, где ты теперь… правила другие.

Плюх прошелестел: «Он их уже съел. Я видел».

Все обернулись.

— Шучу, — сказал дух Подушки. — А вы поверили?

Дамиан впервые за три дня улыбнулся.

Алиса поцеловала детей и прошептала:

— Брехун, ты слышишь? Отдохни.

Ветер донёс далёкий, едва слышный лай.

Или показалось.

Сцена 2. Требование правды

Через три дня Алису вызвали в Большой зал совета.

Она шла по коридорам Академии — в своём старом плаще, с мечом Рассекающим Правду на поясе. Дети остались с Дамианом. Шмяк и Плюх были с ними, а Соня пошла с Алисой.

— Они будут нападать, — сказала Соня по дороге. — Советники старые, консервативные. Они не любят перемен.

— Пусть нападают, — ответила Алиса. — Рассекающий Правду давно не разговаривал с живыми. Соскучился.

Меч тихо загудел на поясе. Соглашался.

Зал совета был круглым, как арена. Двенадцать кресел — по числу древних родов духов. В креслах — двенадцать древних лиц. Некоторые смотрели с уважением. Некоторые — с презрением. Большинство — с любопытством.

— Глава Алиса Корсакова, — сказал старейшина Ворон. — Вы родили детей. От врага.

— От мужа, — поправила Алиса спокойно. — Который теперь наш союзник.

— Ваш союзник, — усмехнулась старейшина Лиса. — Не наш.

— Зазеркалье — это я, — сказала Алиса, положив руку на меч. — А я — это Зазеркалье. Или вы забыли, кто здесь глава?

Ворон кашлянул.

— Мы помним. Но мы хотим знать: какова цена? Вы принесли мир? Нет. Вы принесли войну. Скрибус не отступил. Он затаился.

— Скрибус всегда был проблемой, — ответила Алиса. — До меня. При мне. После меня. Это не я начала войну. Это я её закончу.

— КАК? — крикнул кто-то из задних рядов.

Алиса медленно вынула меч.

Иероглифы вспыхнули золотом. Меч заговорил — громко, на весь зал:

— Она закончит так, как должна закончить глава. С правдой. Потому что я — Рассекающий Правду. И я вижу каждого из вас насквозь.

В зале стало тихо.

— Вы, Ворон, украли у младшего брата наследство. — меч повернулся к другому. — Вы, Лиса, триста лет назад убили соперницу, чтобы занять её место. — ещё поворот. — А вы, Волк, продавали информацию врагам за магические артефакты.

— Хватит! — заорал кто-то.

— Я только начал, — холодно ответил меч.

Алиса убрала его в ножны.

— Я не хочу вашей крови. Я хочу вашей помощи. Скрибус вернётся. Когда вернётся — я хочу, чтобы вы стояли рядом. Не за мной. Рядом.

Она посмотрела на каждого.

— Или я расскажу совету всё, что знает мой меч. Выби-

райте.

Тишина длилась минуту.

Потом Ворон медленно встал.

— Я с вами, — сказал он.

За ним — Лиса.

Потом Волк.

Потом остальные.

Соня усмехнулась.

— Умная девочка, — прошептала она.

Сцена 3. Разговор с Подушкой

После совета Алиса пошла к детям.

Но по дороге её остановил Плюх. Он лежал прямо в центре коридора, белый, пушистый, невозмутимый.

— Сядь, — сказал он. — Нужно поговорить.

— Я спешу, — сказала Алиса.

— Дети спят. Дамиан их охраняет. Сядь.

Алиса села на пол. Прямо перед Подушкой.

— Ты знаешь, почему дети такие сильные? — спросил Плюх.

— Потому что я — глава, а Дамиан — древний маг?

— Частично, — Подушка вздохнул (если подушка может вздыхать). — Но есть кое-что ещё. Твоя бабушка скрыла это. Но я помню. Потому что она спала на мне сорок лет.

— Что скрыла?

— Ты не просто потомок духов. Ты — потомок того, кто создал Зазеркалье. Первого духа. Того, кто был до всех.

У Алисы перехватило дыхание.

— Первый дух… он же легенда.

— Легенды рождаются из правды, — сказал Плюх. — Де-

ти унаследовали его искру. Поэтому они такие сильные. И поэтому Скрибус так хочет их убить. Они — угроза его власти.

— Что мне делать?

— Растить их. Любить их. Защищать их. И когда придёт время — отпустить. Потому что они не твои. Они принадлежат Зазеркалью.

Алиса сжала кулаки.

— Я не отпущу их никуда.

— Знаю, — Плюх принял образ человека и прищурил глаза. — Поэтому ты и глава.

Сцена 4. Ночь без сна

Ночью Алиса не спала.

Дамиан спал рядом, положив голову на её живот (детей уже нет внутри — привычка осталась). Дети спали в колыбели у окна.

Алиса смотрела на них и думала.

О Брехуне. О Скрибусе. О Плюхе, который знает больше, чем говорит. О первой книге — той, что написала бабушка. О том, что она, Алиса, теперь не просто глава. Она — мать. И это страшнее любой войны.

Меч лежал на тумбочке. Не гудел. Ждал.

— Что мне делать? — прошептала Алиса в темноту.

Меч молчал.

Зато ответил Дамиан, не открывая глаз:

— Быть собой. Ты всегда умела только это.

Алиса усмехнулась. Поцеловала его в макушку.

— Идиот, — сказала она ласково.

— Твой идиот, — ответил он.

За окном фиолетовое небо переливалось серебром.

Где-то вдалеке, в ледяной пещере, Скрибус считал дни до того момента, когда сможет нанести новый удар.

Глава 3. Первый смех

Два месяца спустя. Академия духов. Комната Алисы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.